

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 398.22(=512.157)(091)
DOI: 10.17223/19988613/72/23

В.Н. Иванов, А.Ф. Корякина, Р.Н. Анисимов

К ВОПРОСУ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЯКУТСКОГО ЭПОСА

Анализируется состояние изученности проблемы происхождения олонхо. Доказывается генетическая общность якутского эпоса и эпосов тюркоязычных народов Центральной Азии, утверждается возможная взаимосвязь олонхо с эпосами хуннских племен, рассматривается вероятный период дальнейшего развития во времена Тюркского каганата (VII–VIII вв. н.э.). Самостоятельное бытование якутского олонхо началось в 40-х гг. VIII в., когда исторические предки якутов – курыкане – откололись от остального тюркского мира и направились на Север, в районы верхнего и среднего течения р. Лены.

Ключевые слова: происхождение и развитие олонхо; историзм; хуннские племена; курыкане; тюркский каганат; тюрко-монгольский мир.

Введение

Устная традиция, внутри которой эпос занимает одно из ключевых мест, является тем источником, из которого черпаются основания для повседневной практики. В связи с этим современный мир, испытывающий потребность в духовных ориентирах, вынужден обращаться к своим истокам и традициям. «В последние два десятилетия в связи с демократизацией общественной жизни обострился интерес народа к собственной этнической истории. Процесс национального возрождения привел к пониманию того, что эпос обладает огромными потенциальными возможностями в деле возрождения общей духовной культуры. Творцы олонхо вложили в него вековую мечту о благополучной жизни на Земле. Она, эта светлая идея, созвучна устремлениям нашего времени, она преподносит нам новые мысли, более содержательные и зрелые» [1. С. 9]. По признанию исследователей, якутский эпос занимает особую нишу в пространстве мировых эпосов. Рассматривая якутский эпос в контексте многих мировых эпосов, Е.М. Мелетинский вывел его на «эпическую широту», т.е. на мировое эпическое пространство [2. С. 247–375]. Это – пространство «Калевалы», нартских сказаний, «Одиссеи», «Гильгамеша», «Амирании», «Илиады», «Макабхарата», «Рамаяны», «Песни о Беовульфе», русских былин и др. Действительно, их все объединяет общечеловеческое содержание; все эпосы выражают народный взгляд на историю; общий для них элемент – образ богатыря-героя, действия которого направлены на достижение общенародных эпических целей, большей частью на защиту народа от врагов; эпосы содержат народную поэтическую концепцию исторического прошлого, они наполнены коллективистским, по существу патриотическим, пафосом. Именно по своему масштабному и фантастически грандиозному содержанию, по красоте и богатству словес-

ного художественно-изобразительного мастерства якутское олонхо полностью вписывается в эти параметры мирового эпического пространства, и в этом заключается основополагающее значение исторического места олонхо в истории эпического творчества народов мира. Потому вопрос об историческом времени и месте происхождения олонхо, одного из самых архаичных эпосов мира, является важнейшей исследовательской проблемой.

Как исторический источник устная народная традиция в целом признана в науке. Естественно, нужен критический подход при использовании ее в решении исторических проблем. Он подразумевает не только критику источника, но и непременную корреляцию с другими, в частности письменными, документальными источниками. Каждый жанр может содержать хотя бы малое зерно историзма, из которого при умелой интерпретации произрастет знание реальных исторических фактов. По-видимому, наиболее историчны предания и легенды. Есть даже специальный термин – «исторические предания». Вместе с тем наибольший интерес вызывали споры вокруг историзма эпоса – центрального, синкретичного фольклорного жанра. По своему этическому, эмоциональному, эстетическому заряду и онтологической направленности эпос выделяется среди других жанров. Кроме того, он соединяет в себе мифологические истоки, повествовательность легенд и преданий, изобразительные возможности песен, малых жанров фольклора. В эпосе отражена философия народа, его отношение к миру. Говоря об историзме эпоса, мы неизменно должны отталкиваться от проблемы его происхождения. Древность возникновения также пробуждает интерес к эпосу как свидетелю исторической реальности столетней и тысячелетней давности. Для бесписьменных в прошлом народов роль эпоса, как, впрочем, и преданий, например, в реконструкции исторического прошлого велика.

Выяснение истоков и путей происхождения конкретно олонхо – одного из архаичных эпосов – содержит немало эвристических моментов, раскрывающих глубинные пласты народной памяти, менталитета, историко-культурного сознания. Происхождение якутов – носителей данной эпической традиции – с давних пор вызывает пристальный интерес в отечественной и мировой науке. Безусловно, якуты связаны с южной тюрко-монгольской средой, но также очевидно, что они имеют непосредственное отношение и к северным культурам, о чем свидетельствуют самые разные данные: антропология, культура, хозяйство, образ жизни, язык. Эпос как квинтэссенция древних представлений якутов является свидетельством этнических процессов, происходивших как в самый древний период, так и в более поздние времена. Тем интереснее и актуальнее исследование его не только как исторического источника, но и как объекта изучения с точки зрения его происхождения.

Генетическая общность якутского эпоса и эпосов тюркоязычных народов Центральной Азии

Научная разработка истории изучения проблемы происхождения якутского героического эпоса олонхо представляется одной из самых трудных задач, ибо специалистами высказаны различные точки зрения на этот счет.

Проблема происхождения якутского героического эпоса затрагивалась со времен появления первых работ по олонхо. В.Л. Серошевский, Г.В. Ксенофонт, П.А. Ойунский первыми обратили внимание на южное происхождение якутского эпоса.

Доказать древность якутского эпоса и его южную прародину впервые попытался В.Л. Серошевский. Доказательства возможных связей якутов с тюрко-монгольскими племенами он находит в олонхо: «Язык олонго дышит древностью. Кроме массы слов устарелых, вышедших из употребления, но не потерявших окончательно смысла, попадаются слова монгольские (особенно в титулах богатырей и названии их коней)» [3. С. 185–187]. Важно, что свои выводы он сделал на основании памятников устного творчества: исторических преданий и олонхо. Для доказательства идеи о южном происхождении якутского эпоса он приводел множество отрывков и слов из текстов олонхо. Проводя параллели между словами, сравнивая их, В.Л. Серошевский выводит: «Общие сведения по истории тюркских племен настолько отвечают гипотезе южного происхождения якутов, что для признания ее было совершенно достаточно тех прямых указаний, которые сохранила народная память» [Там же. С. 183]. Исследователь отметил роль воздействия конкретной исторической обстановки на тот или иной период развития олонхо: «Что-то более крепкое, чем сами боги, лежит в основе якутской эпической драмы. Но это не рок, а, скорее, живая, деятельная человеческая воля» [Там же. С. 185]. Поиски южной прародины якутов не привели его к утешительным результатам, и он вынужден был констатировать: «Если трудно установить точно место южной родины якутов и путь их на север, то

еще труднее, почти немисливо, указать на время их выхода» [Там же], – но допускал, что более или менее достоверную информацию можно получить «от дешифровки и разработки орхонских, уйгурских и монгольских надписей, а также минусинских и енисейских писаниц», в чем был ближе к истине. По мнению Г.В. Ксенофонта, заслуга Серошевского заключается в том, что «он наметил важность былинных образов и картин, в которых может жить, так сказать, отблеск того, что когда-то переживалось предками якутов» [4. С. 82]. К тому же он еще в те времена думал о происхождении олонхо и честно признавался: «Делать какие-либо заключения о происхождении и родстве якутских былин теперь невозможно; они не изучены, записано их мало; знание якутского языка даже среди тюркологов редко» [3. С. 589]. И он был прав.

Вслед за Серошевским Г.В. Ксенофонт, задавшийся целью разобраться в происхождении якутов, писал: «Основное ядро героического эпоса якутских скотоводов... интересно в том отношении, что в нем мы обнаруживаем в развернутом, живом, натуральном виде генеалогические сказания и мифы древнейших турецких и монгольских племен Центральной Азии» [4. С. 192]. Эта, в принципе верная, оценка олонхо, к сожалению, не получила продолжения, ибо автор неоднократно откладывает ее конкретное решение до завершения второго тома своего труда. Но как бы то ни было, понимание Г.В. Ксенофонтом отражения проблемы происхождения якутского этноса в героическом эпосе нельзя не признать продуктивным.

Г.В. Ксенофонт, рассматривая олонхо как устную летопись якутов, высоко оценил его значение в определении связей якутов с другими народами: «Установление господствующих в героическом эпосе всего племени или в его отдельных частях мифологических сюжетов, мотивов и имен даст возможность при помощи широкого сравнительного изучения и анализа уяснить этническое и историко-культурное родство якутского народа в целом или его подразделений с другими известными народами древности», – писал он [Там же]. В результате проведенного по такому методу анализа ученый пришел к выводу, что идея патриархов народа – одна из характерных особенностей эпоса всех скотоводов, начиная от Ближнего Востока до Центральной Азии. Ученый изучил отражение древней истории якутов в их исторических преданиях и легендах, которые в отличие от образцов героического эпоса содержат прямые исторические свидетельства. Косвенные указания на переселение смешанного тунгусо-якутского племени под давлением якутов он нашел в так называемом хосунском эпосе [Там же], и это положило начало сравнительным исследованиям якутского олонхо с северными эпосами.

П.А. Ойунский рассмотрел материалы олонхо с точки зрения историзма и его происхождения. По мнению П.А. Ойунского, олонхо возникло в период, когда предки якутов проживали в Средней Азии, недалеко от Аральского моря, когда происходили завоевательные походы Чингис-хана: «Древние якуты, ушедшие из Средней Азии, застали эти войны на территории древне-китайской империи... “олонхо” повествует об

этом, как заселение среднего мира в результате войны, т.е. как вынужденную колонизацию» [5. С. 13]. О времени появления олонхо П.А. Ойунский рассуждает: «Время появления олонхо в виде отдельных повествований о войнах должно быть отнесено к временам татарского и монгольского нашествия на Китай», а «избрание Чингиз-хана господином над тремя мирами вполне совпадает с победными нашествиями его на Китай, Среднюю Азию и Россию» [Там же].

Таким образом, достаточно широкие сопоставительные исследования якутского эпоса с целью установления его происхождения и времени появления проводились в двух направлениях. Во-первых, в тексте олонхо исследователи находили прямые свидетельства его связи с южной прародиной якутов: личные имена героев, названия географических объектов, животных, описания природы и т.д. Во-вторых, сравнивались некоторые термины и понятия из языка олонхо и языка и культуры других народов. Однако надо указать на то, что в преподнесении своих версий по происхождению олонхо первые исследователи не привлекли достаточно веского доказательного материала. Поставленные самими исследователями основные вопросы по древней истории якутов: установление их этнического родства и той группы народов, от которых предки якутов отделились, точное определение их раннего местожительства, а также приблизительные даты якутских переселений на Лену, – остались неразрешенными.

В 1955 г. будущий академик АН СССР А.П. Окладников писал: «С исторической точки зрения особый интерес представляет вопрос о происхождении олонхо и его месте в древней культуре южных предков якутов, о том, как глубоко в прошлое уходит якутский эпос и каково его отношение к эпосу южных и северных соседей якутского народа» [6. С. 257]. Он предпринял специальное изучение проблемы и обнародовал вывод о том, что «якутское олонхо первоначально сложилось на юге, далеко от Средней Лены, в то время, когда у его создателей не было социальной почвы для оформления позднейших циклических эпоев типа “Манаса” и “Джангара”, но предки якутов и родственные им племена уже оставили далеко позади древний строй материнского рода и вступили в эпоху развитого отцовского рода. Оформление олонхо протекало в условиях тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами» [Там же. С. 267–277]. Вывод основывался на широком привлечении фольклорного материала, фактических сведений предшественников.

Продуктивным оказался подход А.П. Окладникова к постановке вопроса о генеалогической связи якутского олонхо с происхождением тюркоязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири. Наше внимание в этом контексте привлекают два его основополагающих положения:

1. Южно-сибирские предки якутов расположены им в стране, где «имелись настоящие степи рядом с таежными массивами, горными хребтами и возвышенностями типа таскыл – гольцов Саяно-Алтайской системы» [6].

2. Он ставит историю предков якутов в определенную связь с историей «тюркских племен и народов средневекового времени, пользовавшихся орхоно-енисейской письменностью», и считает, что «по данным языка среди тюркских народов или племен, наиболее родственных якутам по языку, должны были находиться те, которые говорили на языке, близком или тождественном языку орхоно-енисейских надписей» [Там же. С. 281].

Эти положения выдвинуты на основе анализа главным образом памятников героического эпоса якутов, и хотя они отражают только один из этапов этногенеза тюркских народов, их значение достаточно весомо с точки зрения установления общих генетических связей между этногенезом народа и возникновением эпического творчества.

Вывод А.П. Окладникова обозначил два направления изучения историко-культурных корней якутского эпоса (тюркского и монгольского), что имело важное значение для исследования проблемы происхождения якутского героического эпоса олонхо. В любом контексте это был шаг вперед. Но правильно поставленное суждение о связи возникновения олонхо с этногенетическими процессами не дало ответа на вопрос: какой из этих источников был первичным, основным для формирования олонхо? Несмотря на это, вывод А.П. Окладникова был подхвачен эпосоведами, и в работах по якутскому эпосу надолго закрепилась идея «тюрко-монгольского» происхождения олонхо.

С тех пор прошло около шестидесяти лет, и позиция А.П. Окладникова оказалась живучей. Его мнения придерживаются почти все, кто в том или ином виде затрагивает проблему происхождения якутского героического эпоса: И.В. Пухов, Г.У. Эргис, Н.В. Емельянов, Д.Т. Бурцев, В.М. Никифоров, А.И. Гоголев, В.Ф. Ермолаев и др. Все они подчеркивают одну общую мысль – генеалогическая близость якутского героического эпоса с эпосами других тюркских народов может быть замечена только в далеких краях Южной Сибири, ибо общеизвестно, что ближайшие предки якутов оказались в Прибайкалье, затем в бассейне Лены в глубокой изоляции от всего тюркского мира; при этом наука не располагает данными о том, что во втором тысячелетии нашей эры якуты и другие тюрки когда-либо непосредственно общались между собой.

Остановимся на некоторых современных исследованиях поставленной проблемы. В трудах И.В. Пухова мы находим генетический подход к изучению древнейших истоков якутского героического эпоса в формате следующих вопросов:

- а) композиционное сходство эпосов этих народов;
- б) сходство приемов описания, характеристики и изобразительных средств;
- в) сходство конкретных деталей;
- г) сходство имен традиционных, наиболее устойчивых персонажей [7].

И.В. Пухов подверг сравнительному анализу сюжеты и образы алтайского героического эпоса: «Алтай-Бучый», «Алтын-Мизе», «Маадай Кара», «Кан Голо», «Алтын-Кучкаш», «Ак-Тойчи»; шорского: «Кан Кес», «Кан Морген, имеющий старшую сестру Кан Арго»,

«Ак Кан»; хакасского: «Алтын Арыг», «Кюн Тёнгис на сереброкрылом сивом коне», «Хан Хырчотой», «Немой Хан Мирген». Более подробно рассмотрено композиционное сходство героического эпоса «Маадай-Кара» и якутских олонхо, что признано автором как «явление просто уникальное». Надо отметить, что сравнительный анализ героических эпосов алтайского и якутского народов, впервые предпринятый в эпосоведении И.В. Пуховым, представил эти эпосы как единое целое, они отличаются между собой только по отдельным признакам, а «древняя общность истоков олонхо и героического эпоса алтае-саянских народов выступает вполне отчетливо» [Там же]. Особенность якутских олонхо в том, что они больше сохранили древнейшие черты.

В последние годы сотрудники Научно-исследовательского института олонхо при Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова взялись за серьезное сравнительно-историческое, сравнительно-типологическое изучение якутского олонхо с отдельными памятниками эпического наследия тюрко-монгольских народов. Изучение речевых средств эпической образности олонхо и тюрко-монгольских эпосов дает довольно много новых и интересных данных для установления общности происхождения эпосов.

Молодой ученый Ю.П. Борисов провел сравнение параллелизмов в якутском олонхо, алтайском, хакасском эпосах и бурятском улигере и обнаружил: основной синтаксический строй параллелизма в исследованных эпосах является универсальным и однотипным; прослеживаются параллели структурной организации и семантической нагрузки между параллелизмами якутского олонхо и тюрко-монгольского эпосов: «Дословно повторяющиеся лексические единицы и словосочетания являются устойчивыми повторами, образующими ядро и матрицу параллелизма. В большинстве случаев организующее семантическое ядро параллелизма образуется из дословно повторяющейся лексемы и словосочетания. А при образовании матрицы параллелизма участвуют более двух дословно повторяющихся устойчивых единиц» [8].

С.Д. Львова на основе сравнительного исследования текстов алтайского и якутского эпосов приводит веские доказательства в подтверждение мнения И.В. Пухова о возможном едином происхождении сравнений внешнего облика персонажа с основными явлениями природы (солнце, луна, звезда, гора, долина и др.). В поэтической системе обоих эпосов гиперболизация является самым распространенным речевым средством [9].

Проведены также сравнения сюжета, мотивов, образных систем олонхо и тюрко-монгольских эпосов. М.Т. Гоголева в эпических традициях хакасского героического эпоса «Ай-Хуучин» и якутского олонхо обнаружила общие места: сходны мотивы чудесного рождения богатыря по воле богов-небожителей от престарелых родителей или от кобылы, спущенной на землю; главный герой – женщина-богатырка; одинаковы эпические традиции наречения богатыря, помощи коня, удаганок, борьбы с чудовищами из Нижнего мира и др. [10].

Комплексный сравнительный анализ идейно-художественных структур, сюжетно-композиционных характеристик, образной системы якутского и бурятского эпосов привел А.Ф. Корякину к обнаружению сходства в них гуманности идей (главные герои-богатыри борются во имя спасения соплеменников против завоевателей-чудовищ, героическая идеализация богатырей-защитников), сюжетно-композиционной системы (многоплановость сюжетов, объединенных вокруг главной сюжетной линии), поэтики (героичность описываемых событий, богатство художественных средств), мировоззренческих представлений о Вселенной и небесных божествах. Автор статьи заключает: «Анализируемый нами материал подтвердил тот факт, что зарождение и развитие олонхо и улигера протекало в условиях тесных культурно-исторических столкновений, взаимодействий, взаимовлияний данных народов на разных этапах своего развития в общем котле прототюрко-монгольских народов, что эпосы обоих народов возникли на стыке исторических судеб и древних духовных контактов многих племен и народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири, среди которых были предки тюрко-монгольских этносов» [11. С. 117]. О.К. Павлова в образах главных героев эпосов тюркских народов Средней Азии и Сибири нашла общие черты идеального защитника племени: высокие нравственные, моральные качества, физическую силу и могущество [12].

Изучив образы женщин якутского олонхо в сравнении с узбекским эпосом «Алпамыш», Л.Н. Герасимова нашла схожесть в характере женщин эпосов, отражающих эпоху матриархата: «...сильные духом, храбрые, отважные, уважаемые, мудрые, являются символами красоты, преданности и подражания, борются за спасение своего народа, за мир и за свою любовь» [13]. Обнаружение параллелей в мотивах уйгурской версии «Огузнаме», записанной в XIII в., и якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина привело Л.Н. Герасимову к выводу: «Близкие мотивы... подтверждают, что в эпических традициях уйгурского и якутского народов существовали типологические сходения, несомненно, основанные на общности идеалов, чаяний и ожиданий» [Там же].

В исследовании В.Б. Околоковой, Г.Е. Саввиной высказывается предположение о присутствии в олонхо и тюркских эпосах схожего понятия о космическом едином первоначале, где не было структурных или иных разделений на уровни Времени и Пространства [14].

Оценивая роль таких сравнительных изучений эпосов в эпосоведении в целом, В.Н. Иванов отмечает: «Нет сомнения в том, что расширение и углубление сравнительного изучения якутского эпоса обогатит теоретические исследования по общетюркскому эпосу новыми фактами и аргументами, а в якутском эпосоведении введет в широкий научный оборот новые памятники якутского эпического наследия, позволяющие уловить не только специфику, но и общее с другими эпосами свойство эпического творчества» [15. С. 28].

В научных трудах последних лет специалисты прослеживают связи древних пластов кыргызского и якутского эпосов, замечая схожесть в эпосах обоих

народов в определении времени, воспевании и поэтизации физической мощи, неустранимости, состояния богатырей в гневе, в одинаковости способов описания, характеристики в форме звукоподражания, в однотипности стилизованных изобразительских приемов и во многих других элементах эпического творчества. И.Б. Молдобаев выявил одинаковые с кыргызскими названиями этнонимы и мелкие родовые наименования, обнаруживаемые у всех тюркоязычных народов Сибири: алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, шорцев, тофаларов и др., что автор объясняет общностью хозяйства, общественного строя, материальной и духовной культуры, языков и других сторон традиционной жизни народов. И он заключает: «Вероятно, эти сходства относятся примерно к IX–XII вв., когда кыргызы находились с народами Сибири в непосредственном соседстве» [16. С. 51–52].

Перечень тюркоязычных народов Сибири, у которых наблюдается общность эпического творчества (по И.Б. Молдобаеву), позволяет понять первоначальные границы исторического места олонхо в мировом эпическом пространстве в генетических реалиях того исторического времени. Однако общность этнического происхождения не исчерпывает содержания общности эпического творчества. Важно, чтобы были приняты во внимание элементы типологического порядка.

В исследованиях последних лет предпринята попытка научного сравнительно-исторического изучения якутского олонхо с отдельными памятниками эпического наследия тюрко-монгольских народов. Такой анализ еще раз подтверждает на новом материале старый тезис о южном происхождении якутского героического эпоса олонхо, его генетических связях с эпическим творчеством народов центрально-азиатской ойкумены. Проведенная работа – начало исследований, продолжение которых даст фундаментальные результаты сравнительного изучения якутского олонхо, убедительные аргументы по определению места и времени происхождения олонхо.

Таким образом, эпосоведы и раннего, и последующего периодов едины только в одном – признании тезиса о южном происхождении якутского эпоса, при этом главные вопросы: с какой конкретной территорией юга и с каким конкретным этносом связывается генезис якутского олонхо и в каких исторических условиях происходило появление этого особого жанра фольклорного творчества якутов – остаются нерешенными. Утверждение (разделяемое почти всеми) о том, что олонхо связано с общетюркским миром, слишком расплывчато, ибо мир тюрков был сложным по своему составу и разнообразным по духовному потенциалу. Некоторые исследователи усложняют эту точку зрения, связывая истоки олонхо с монголосферой.

То же самое и с обоснованием времени создания олонхо. По этой проблеме исследователи высказывались также по-разному. Некоторые относят этот процесс к «родовому строю»; другие называют более или менее точное время: конец VI – начало VII в., когда предки якутов «пели о своих сражениях с тюркскими каганами» [17. С. 558]. И.В. Пухов писал: «...предки якутов, курыканы, имели общение с древними тюрка-

ми в VI–VIII вв. Из исторических преданий якутов и бурят видно, что последним монгольским племенем, с которым сталкивались якуты (вероятно в северном Прибайкалье), были буряты. Это могло происходить не позднее XV в.» [Там же. С. 10]. Г.У. Эргис, определяя историческое время появления олонхо, отмечал: «Олонхо в форме эпической героизации и гиперболизации характеров и действий родовых воинов отражает в основном патриархально-родовые отношения и бытовую жизнь народа с древнейших времен приблизительно до XVII в. Этот период составляет “эпическое время” в исторической жизни якутов, когда война, межродовые и межплеменные столкновения, борьба за самостоятельное существование... были главными темами устнопоэтического творчества народа» [18. С. 186].

Иной подход к проблеме у современного фольклориста В.М. Никифорова, который выявил следующие предпосылки возникновения эпоса:

1) «стечение определенных обстоятельств в течение сравнительно небольшого отрезка времени» – «моменты наивысшего напряжения моральных и физических сил этноса, когда он поставлен на грань выживания, когда решается вопрос о его существовании, независимости», например отражение вражеского нашествия;

2) «существование сколько-нибудь развитой мифической системы»;

3) «наличие длительного типологически сходного (несмотря на этнические и языковые различия) состояния кочевого (так как речь идет в основном о тюрко-монгольской эпической традиции) общества», например двухтысячелетний период в Степи, начиная с хуннского времени, когда по ней ездили одинокие конные богатыри, с которых «списывался, типизировался... образ богатыря-одиночки, который совершенствовался и «дописывался» столетиями; точнее воспевался, отшлифовывался» [19. С. 171–175].

То есть им высказывается другая точка зрения, согласно которой якутский эпос существует не менее двух тысяч лет.

Как видно, время создания олонхо специалистами также не определено; к тому же утверждается, что предки якутов, оказывается, сражались с тюркскими каганами. Возникает вопрос: кем тогда приходится тюрки якутам?

Изложенное свидетельствует о том, что в научном изучении генезиса якутского героического эпоса олонхо много белых пятен и спорных позиций. Мы не ошибемся, если скажем, что объясняется это не столько научным уровнем исследователей-эпосоведов, сколько идеологическими ограничениями в научно-исследовательской работе с точки зрения классово-партийного принципа в освещении общественных явлений. Не секрет, что изучение древних этапов истории, особенно в национальных республиках, не поощрялось из-за боязни «удревнения» их истории, которая могла содержать изначально устоявшиеся нематериальные духовные ценности, укрепляющие национальный имидж народа, в том числе и эпическое наследие. В этих жестких рамках научной деятельно-

сти якутские эпосоведы не могли раскованно размышлять над проблемой эпического наследия, его происхождения, тем более связей с другими культурами. Потому новое научное изучение проблемы генезиса якутского олонхо нуждается в демонтаже устоявшихся в якутской фольклористике идеологических веяний советского времени. Работы исследователей олонхо требуют обновления с точки зрения фактической оснащенности в связи с тем, что в постсоветские годы опубликовано много работ по этногенезу тюркоязычных этносов Южной Сибири и монголоязычных этносов Прибайкалья. Например, в 2004 г. увидел свет этнографический труд «Буряты», в котором изложен новый взгляд на появление монголоязычных племен в Прибайкалье, что может существенно обновить объяснение участия монгольского фактора в развитии эпического творчества предков якутов [20]. Данные этой и других работ значительно обогащают фактическую основу этнических связей и взаимоотношений в регионе и выводят исследователей на более высокий уровень их обобщения. В результате мы получаем новую трактовку отдельных аспектов проблемы происхождения якутского олонхо, которая стала более аргументированной, потому – более ясной. Это – первое. Второе – якутские эпосоведы при изучении эпоса ограничивались возможностями сравнительно-типологического метода, пренебрегая сравнительно-историческим. Это объясняется тем, что они не ставили задачу специального изучения генезиса олонхо. Вопросы, возникающие в изучении происхождения олонхо и времени его появления, вынуждают еще раз самым тщательным образом разобраться в этнической истории якутов, ибо невозможно отделить происхождение эпоса от происхождения народа – его носителя.

В работах историков древнее наследие связывается с основным ядром скотоводческих племен – тюрко-монголов, расположившихся в степях Центральной Азии. Мир этих племен был разнообразным, но в I тыс. до н.э. среди них возвышаются хунну, создавшие в III в. до н.э. – IV в. н.э. военно-племенной союз хунну, занимавший огромную территорию от Центральной Азии до Восточной Европы. По мнению Н.К. Антонова, именно с этим хуннским временем связано «складывание и развитие героического эпоса тюркских народов», среди которых были и предки якутов, и он приходит к выводу, что «героический эпос тюрко-язычных народов зародился в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во II–I тысячелетиях до н.э.» [21. С. 38–39]. В составе восточных хунну в VI в. н.э. активизируются тюрки (первоначально китайское развитие политического объединения), создавшие в середине VI в. Тюркский каганат. Нет никакого сомнения в том, что в его составе находились исторические предки якутов как один из правопреемников хунну – носителей пратюркского языка.

История Южной Сибири, в том числе и Тюркского государства (каганата), как известно, была весьма сложной, наполненной межплеменными, династийными и иными войнами. Именно там и тогда тюркский эпос прошел долгий, извилистый, но героический путь. На протяжении нескольких веков он вобрал

в себя удивительно богатое содержание, выковал великое мастерство сказителей. В нем в поэтической форме отражены события былых времен, погружаясь в которые мы постигаем тайные пружины нашей истории, которая предстает перед нами полной героизма и драматизма, касающихся нравственных устоев поступательного движения по волнам веков. Именно эта история, а не иная, породила борцов, мучеников и героев невидимого нам нравственного мира, людей сильных и благородных, злых и жестоких. Мы не всегда придаем значение тому, что это было время прорывных героических поступков и самоотверженных действий, время, которое историки называют временем военной демократии, временем мучительных поисков выхода из глобального кризиса первобытного общезития.

Только недостаток исторических источников сглаживает остроту восприятия нами исторических реалий того времени. Даже широко известные орхон-енисейские надписи о походах каганов, воспевающие их очень образно и в стихотворной форме, не передают ту напряженность обстановки, которая характерна для эпического творчества. Но то, что именно события, связанные с периодом военно-политических союзов и их династийных войн легли в основу формирования героического эпоса, не подлежит никакому сомнению. В этом едины все эпосоведы.

Якуты – осколок древнего тюркского народа, восходящего к хуннским корням. Если, по мнению специалистов, складывание героического эпоса происходило именно в тот период, то эпическое наследие якутов обладает широким диапазоном времен. И это дает возможность предположить, что предки современных якутов пронесли это наследие через века, участвуя во всех этнополитических перипетиях тюркского мира в Центральной Азии и Южной Сибири, особенно когда они оказались в гуще событий, развернувшихся в VI–VIII вв. н.э. на юге Сибири и приведших к образованию Тюркского каганата. Но самое судьбоносное состояло в том, что единый тюркский мир, просуществовавший два столетия, раскололся на две части, и каждая из них выбрала свою дорогу автономного существования. В результате Восточный тюркский каганат безвозвратно пал в 745 г., и предки современных якутов оказались отодвинутыми на север, к горно-таежной полосе Прибайкалья и верховьям р. Лены. Этот разлом судьбы, сопровождавшийся широкими передвижениями, военными столкновениями, быстро создающимися и распадающимися военными союзами, бурными проявлениями событий периода военной демократии, глубоко проникли в общественное сознание и стали источником дальнейшего развития феномена эпического повествования, в котором его герой приобрел черты богатыря-воина, а его деятельность – характер боевой героики.

События истории мира тюркской общности запечатлелись в памяти выходцев из этого мира; иначе и не могло быть, ибо это было время бесписьменной истории (если и была письменность, то ее знали единицы). А память, как известно, отсекает все мелкое, ненужное для каждого поколения, отбирая те факты

и события, которые представляли общественный интерес с точки зрения не только житейского, но и общечеловеческого опыта. Со временем происходит героизация событий, граничащая с мифологизацией. Создается своеобразная поэзия, в которую, словно в чудесную ткань, вплетались рассказы о подвигах и нравах, предания о героях племени и о богах; формируется образ героя-богатыря, отражающий коренные интересы коллектива (рода, племени, этноса). Каждое поколение помнило и пересказывало в песнях и рассказах старые легенды, обогащая их, без конца видоизменяя, не задумываясь над тем, кто творец или творцы этих поэм. То было царство эпического творчества, давшее яркие образцы героических характеров, сформировавшийся образ богатыря-воина с некоей эпической его идеализацией.

Было бы преувеличением думать, что хуннский героический эпос унаследовали только древние предки современных якутов. Известно, что государство хуннов простиралось от Уссури на востоке до Урала на западе, от Саян до верховьев Амура на севере, до Китая на юге и состояло из 24 больших родов-улусов. Нет сомнения, что последние дали начало многим этническим образованиям, впоследствии составившим тюркоязычную общность. Это касается прежде всего народностей Саяно-Алтайского нагорья, о чем достаточно подробно написано в коллективном труде тувинских ученых [22. С. 50–113]. Историки Тувы считают, что «из всех тюркских языков именно в тувинском в наибольшей степени сохранились особенности древнетюркского языка, зафиксированного в орхон-енисейских письменных памятниках» [Там же. С. 110]. Но как согласуется это положение с мнением многих якутоведов о том, что якутский язык является самым древним тюркским языком, в частности с тем, что писал Г.В. Ксенофонов: «...якутский язык должен быть признан тем диалектом, на котором говорили древнейшие турецкие племена Монголии, известные в исторических хрониках Китая под названием хунну или сюнну»? [4. С. 205] Думается, что здесь нет никакого принципиального противоречия, ибо предки тувинского этноса, так же как предки якутов, могли отколоться от хуннской общности в древнейшие времена, пронести общетюркскую основу своего языка через многие века и сохранить его. Тем более тувинские коллеги «весьма важным свидетельством» своей позиции считают то, что «немало архаических терминов сохранилось в тувинском героическом эпосе» [22. С. 110], а якутский тюрколог Н.К. Антонов высказал предположение, что «якутский язык в древности был языком какого-то большого народа и имел значительное влияние на соседние монгольские языки» [23. С. 4].

В свете этих размышлений нельзя не согласиться с Е.М. Мелетинским, который утверждал, что «героические поэмы о степных конных богатырях с их специфической поэтической структурой являются древним наследием основного ядра скотоводческих племен – тюрко-монголов – и сложились в своих основных элементах в степях Центральной Азии в условиях скотоводческого быта и тесных исторических связей с тюркскими и монгольскими народами» [2. С. 80].

Носители этого наследия, впоследствии распространившиеся по просторам огромной территории Саяно-Алтайского нагорья (во времена господства уйгурского военно-политического объединения в 745–840 гг., кыргызского – в 840–910 гг.), во многом определили содержание и своеобразие эпосов народов саяно-алтайского региона. Причем надо обратить внимание на то, что соседями кыргызов, главным местом обитания которых был Верхний Енисей, были курыканы (гуликаны), считающиеся непосредственными предками современных якутов. Перефразируя Е.М. Мелетинского, можно сказать, что сложение якутского героического эпоса олонхо в своих основных элементах произошло на курыканском этапе этнической истории якутов в Прибайкалье. При этом мы принимаем во внимание интересное во всех отношениях замечание И.В. Пухова о том, что «никакого олонхо в современном его виде не было, как не было тех героических сказаний алтае-саянских народов в том виде, в каком их мы застали в наше время» [7. С. 28].

Итак, как показывает степень изученности проблемы, выявились четыре основные точки зрения на проблему происхождения олонхо. Первую концептуально обосновал П.А. Ойунский, считая временем создания олонхо эпоху Чингис-хана. Вторая точка зрения имеет многочисленных сторонников – от В.Л. Серошевского до современных исследователей. Они относят время возникновения олонхо к древнетюркской эпохе, или к периоду не позднее XIII в. По мнению В.Ф. Ермолаева, например, события VI–VIII вв., происходившие в древнетюркском каганате, прямо легли в основу якутских эпических сказаний: в частности, деяния Бильге-кагана и его младшего брата Кюль-тегина сопоставимы с подвигами Нюргуна Боотура и Юрюнг-Уолана [24. С. 42–47]. Третьей точки зрения придерживались Г.У. Эргис и Н.В. Емельянов: хотя истоки олонхо берут начало на юге, когда предки якутов проживали совместно с предками других тюрко-монгольских народов где-то в Южной Сибири, сложение его как жанра связано с историческим бытием на Средней Лене. Четвертую точку зрения о существовании якутского эпоса не менее двух тысяч лет поддерживает В.М. Никифоров.

Основные выводы исследования

Исследование проведено на основе фактического материала историко-этнографических трудов и филологических источников, а также сравнительного изучения текстов эпического наследия тюрко-монгольских народов Южной Сибири. В выявленных материалах прослежены сведения, касающиеся происхождения якутского олонхо в контексте этнической истории народов региона и установления генетических связей в формировании их эпического творчества. Полученные данные позволяют сформулировать следующие общие положения по вопросу о происхождении якутского героического эпоса олонхо.

1. Подтверждается общность происхождения якутского эпоса с эпосами тюркоязычных народов Центральной Азии. Истоки этой общности обнаруживаются

в недрах хуннского общества в I тысячелетии до н.э. – общества воинственных и сплоченных скотоводческих племен кочевого типа. Племенной союз хуннов был этнически неоднородным и уже тогда включал племена и роды, впоследствии получившие название тюрков. В числе последних были гулигане, активно участвовавшие в политических и военных событиях истории региона в древнетюркскую эпоху в VI–VIII вв. н.э. В VIII в. гулигане (куруканы) оказываются на северной окраине тюркского мира около оз. Байкал: на низовье р. Селенги, по долинам рек Баргузин, Ангара и в верховьях р. Лены.

2. Сложение якутского эпоса связано с эпосом хуннских племен, зародившимся в условиях непрерывных военных столкновений и династийских распрей, в ходе которых в общественном сознании формировалось понимание выдающейся роли военных вождей в защите свободы и независимости племени, рода. Это было время, когда происходила героизация событий и личностей, сыгравших исключительную роль в судьбоносных поворотах истории.

3. Дальнейшее развитие эпоса предков якутов происходит в VII–VIII вв. н.э. – в период героической эпохи в истории Южной Сибири, связанной с возвышением роли крупного тюркского объединения – Тюркского каганата – в тюрко-монгольском мире. Это было время носителей орхоно-енисейской письменности и культуры в условиях сложных внешних и внутренних войн, межплеменных усобиц, еще больше укрепивших в этническом сознании образы легендарных героев и их противников.

4. Самостоятельное бытование якутского олонхо началось в 40-х гг. VIII в., когда исторические предки якутов – курыканы (носители курумчинской культуры) – откололись от остального тюркского мира и направились на север, таежно-степные районы Прибайкалья. Именно здесь сложились традиционные основы якутского эпоса, его основные тематика и сюжеты, в целом же – героико-эпическая поэтическая система. Именно здесь предки современных якутов пережили процесс этнической консолидации и развитие в их эпосе мотивов

племенного патриотизма. В условиях автономного существования и иноплеменного окружения им удалось сохранить весьма архаичные особенности эпического наследия.

5. Одно из своеобразий якутского эпического наследия состоит в том, что в нем обнаруживаются элементы монгольского (точнее – бурятского) эпоса. Это, по видимому, объясняется тем, что в Прибайкалье предки якутов оказались на определенное время в соседстве с бурятами, а потому влияние монголо-язычного эпоса на якутское олонхо было промежуточным, и речь может идти о заимствованиях в процессе развития эпического творчества у якутов, а не об общем их происхождении.

Нам представляется, что к объяснению исторического возраста олонхо перспективным может стать изучение языковых реликтов олонхо, которые, по утверждению лингвофольклористов, имеют еще более древний генезис. Их надо отбирать по крупницам в памятниках древнетюркских языков, скрупулезно изучать в сравнительном плане, систематизировать, чтобы языковый аспект в объяснении происхождения олонхо выступал убедительно, весомо. О языковом феномене в олонхо справедливо размышляет академик П.А. Слещов, который считает, что «проблема изучения олонхо очень сложная, нужен целый институт. В языке олонхо много архаических элементов, которые при тщательном изучении могут пролить свет на генезис олонхо...», потому надо «разработать конкретную программу исследования олонхо, языка олонхо с точки зрения этнографии, истории и его художественных особенностей». [25. С. 100–101].

Представленная статья может стать стартовой основой для новых разработок проблем сравнительно-исторического изучения якутского олонхо с эпосами других тюрко-язычных народов и выработки новых, современных подходов к его изучению. Разработка данной темы будет иметь не только научное, но и общественно-полезное значение, так как проблема требует обобщения и обоснования единой, согласованной научной позиции с привлечением достижений исторических, этнографических, филологических наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.Н. Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2014. 158 с.
2. Мелетинский М.Е. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М. : Вост. лит., 1963. 464 с.
3. Серошевский В.Л. Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцикл., 1993. 736 с.
4. Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. Якутск : Кн. изд-во, 1992. Т. I: Очерки по древней истории якутов. 416 с.
5. Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск : Сайдам, 2013. 96 с.
6. Окладников А.П. История Якутской АССР. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1955. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. 432 с.
7. Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // типология народного эпоса. М. : Наука, 1975. С. 12–62.
8. Борисов Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.02. Якутск, 2017. 22 с.
9. Львова С.Д. Сравнения в поэтической системе олонхо якутов : магистерская дис. Якутск, 2018. 150 с.
10. Гоголева М.Т. Олонхо и хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 1 (43) : в 2 ч., ч. II. С. 52–56.
11. Корякина А.Ф. Некоторые параллели в поэтике якутского олонхо и бурятского улигера (на примере олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского и улигера «Абай Гэсэр Могучий» в записи Маншуда Имегенова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-1 (30). С. 112–117.
12. Павлова О.К. Образы главных героев олонхо северо-восточной традиции якутов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. 2017. № 3 (7). С. 57–67.
13. Герасимова Л.Н. Образ женщины в узбекском эпосе «Алпамыш» и якутском олонхо «Элэс Боотур» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2015. № 12 (54) : в 4 ч., ч. III. С. 46–49.
14. Саввинова Г.Е., Окорочкова В.Б. К вопросу о сюжетных мотивах олонхо и эпосов тюркоязычных народов // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12. С. 174–183.

15. Иванов В.Н. Якутский героический эпос Олонхо в контексте сравнительного изучения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2016. № 1. С. 22–29.
16. Молдобаев И.Л. Опыт историко-этнографического сравнения эпоса «Манас» и олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» // Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира : сб. науч. ст. Якутск : Изд-во ИГИ и ПМНС РАН, 2004. С. 51–59.
17. Пухов И.В. Олонхо – древний эпос якутов. Якутск : Сайдам, 2013. 46 с.
18. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск : Бичик, 2008. 400 с.
19. Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо: формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск : Наука, 2002. 208 с.
20. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2004. 633 с.
21. Антонов Н.К. Наследие предков. Якутск : Бичик, 1993. 200 с.
22. История Тувы : в 2 т. / Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва; под общ. ред. С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2001. 367 с.
23. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. 175 с.
24. Ермолаев В.Ф. Орхонские тюрки VI–VIII вв. и якутское олонхо // Советская тюркология. 1989. № 4. С. 42–47.
25. Слепцов П.А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. Якутск : Якут. науч. центр СО РАН, 1991. С. 100–101.

Vasily N. Ivanov, Olonkho Research Intitute of M.K. Ammosov Norh-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation).
E-mail: institute-olonkho@mail.ru

Antonina F. Koriakina, Olonkho Research Intitute of M.K. Ammosov Norh-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation).
E-mail: aitalilen@mail.ru

Ruslan N. Anisimov, Olonkho Research Intitute of M.K. Ammosov Norh-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation).
E-mail: teployakutia@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE GENETIC ORIGINS OF THE YAKUT EPIC FORMATION

Keywords: the origin and development of olonkho; historicism; the Hunnic tribes; the Kurykans; the Turkic Khaganate; the Turkic-Mongolian world.

The article analyzes the state of knowledge of the problem of the origin of olonkho in order to determine the genetic origins of the Yakut epic formation, and to find out its ethnic background.

V.L. Seroshevsky, G.V. Ksenofontov, P.A. Oyunsky in their writings first paid attention to the southern origin of the Yakut epic and tried to prove the antiquity of the Yakut epic and its southern ancestral homeland. The conclusion of A.P. Okladnikov outlined two areas of study of the historical and cultural roots of the Yakut epic – the Turkic and Mongolian. In the studies of I.V. Pukhov, G.U. Ergis, N.V. Emelyanov, D.T. Burtsev, V.M. Nikiforov, A.I. Gogolev, V.F. Ermolaev, etc. the general idea is emphasized that the genealogical affinity of the Yakut heroic epic with the epics of other Turkic peoples may have occurred in the far reaches of Southern Siberia, because immediate ancestors of Yakuts were found in the Baikal region and then in the Lena basin in deep isolation from the entire Turkic world.

As the degree of study of the problem shows, four main points of view on the problem of the origin of olonkho have emerged. The first conceptually substantiated by P.A. Oyunsky, considering the time of the creation of olonkho the era of Genghis Khan. The second point of view has extensive supporters, beginning with V.L. Seroshevsky to modern researchers. They relate the time of the appearance of the olonkho to the ancient Turkic epoch, or to the period not later than the thirteenth century. According to V.F. Ermolaev, for example, the events of the 6th-8th centuries, occurring in the ancient Turkic khaganate, directly formed the basis of Yakut epic legends, in particular, the acts of Bilge-kagan and his younger brother Kul-tegin are comparable to the exploits of Nyurgun Bootur and Yuryung-Uolan. The third point of view was held by G.U. Ergis and N.V. Emelyanov. Although the origins of the olonkho originate in the south, when the ancestors of the Yakuts lived together with the ancestors of other Turkic-Mongolian peoples somewhere in Southern Siberia, its composition as a genre is connected with a historical being on the Middle Lena. The fourth point of view on the existence of the Yakut epic for at least two thousand years adheres to V.M. Nikiforov.

As a result of a comparative analysis of research on the problem, the time and place of the initial formation and further development of the Yakut olonkho were revealed: its formation occurred in the first millennium BC in a society of militant and united cattle-breeding tribes of nomadic type; its composition is connected with the epic of the Hun tribes; further development occurs in the 6th-8th centuries AD – during the period of the Turkic Khaganate in the Turkic-Mongolian world; the independent existence of the Yakut olonkho began in the 40s of the 8th century, when the historical ancestors of the Yakuts – the Kurykians broke away from the rest of the Turkic world and headed north to the areas of the upper and middle reaches of the river Lena. The presented article can become a starting point for new developments of problems of comparative-historical study of the Yakut olonkho with the epics of other Turkic-speaking peoples and development of new, modern approaches to its study.

REFERENCES

1. Ivanov, V.N. (2014) *Olonkho – unikal'noe yavlenie v mirovoy epicheskoy kul'ture* [Olonkho is a unique phenomenon in the world epic culture]. Yakutsk: SEFU.
2. Meletinsky, M.E. (1963) *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow: Vost. literatura.
3. Seroshevsky, V.L. (1993) *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Rosspen.
4. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraangkay-sakhalar*. Vol. 1. Yakutsk: Kn. izd-vo.
5. Oyunsky, P.A. (2013) *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [The Yakut tale (olonkho), its plot and content]. Yakutsk: Saydam.
6. Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Pukhov, I.V. (1975) Geroicheskiy epos tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri: obshchnost', skhodstva, razlichiya [The heroic epic of the Turkic-Mongol peoples of Siberia: commonality, similarities, differences]. In: Gatsak, V.M. (ed.) *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the Folk Epic]. Moscow: Nauka. pp. 12–62.
8. Borisov, Yu.P. (2017) *Ritmiko-sintaksicheskiy parallelizm v yakutskom olonkho i tyurko-mongol'skikh eposakh: sravnitel'nyy aspekt* [Rhythmic-syntactic parallelism in the Yakut olonkho and Turkic-Mongolian epics: a comparative aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yakutsk.
9. Lvova, S.D. (2018) *Sravneniya v poeticheskoy sisteme olonkho yakutov* [Comparisons in the Yakuts' olonkho poetic system]. Master's Thesis. Yakutsk.

10. Gogoleva, M.T. (2015) Olonkho and the Khakass heroic epic “Ai-Huuchin”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 1(43). Part 2. pp. 52–56. (In Russian).
11. Koryakina, A.F. (2013) Some parallels in poetics of Yakut olonkho and Buryat uliger (by example of olonkho “Nyurgun Bootur The Swift” by Platon Oyunsky and Uliger “Abai Gesar the Mighty” of Manshud Imegenov’s record). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 12-1(30). pp. 112–117. (In Russian).
12. Pavlova, O.K. (2017) Images of protagonists in olonkho of the Yakut Northeastern tradition. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Ser. Eposovedenie – Vestnik of North-Eastern Federal University. Epic studies*. 3(7). pp. 57–67. (In Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2017.7.10593
13. Gerasimova, L.N. (2015) Image of a woman in the Uzbek epic “Alpamysh” and the Yakut olonkho “Eles Bootur”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 12(54). Part 3. pp. 46–49. (In Russian).
14. Savvinova, G.E. & Okorokova, V.B. (2017) K voprosu o syuzhetnykh motivakh olonkho i eposov tyurkoyazychnykh narodov [On plot motives of olonkho and epics of the Turkic-speaking peoples]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12. pp. 174–183.
15. Ivanov, V.N. (2016) Yakutskiy geroicheskiy epos Olonkho v kontekste sravnitel’nogo izucheniya [Yakut heroic epic Olonkho in the context of comparative study]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal’nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 1. pp. 22–29.
16. Moldobaev, I.L. (2004) Opyt istoriko-etnograficheskogo sravneniya eposa “Manas” i olonkho “Stroptivyy Kulun Kullustuur” [Historical and ethnographic comparison of the epic “Manas” and the olonkho “The obstinate Kulun Kullustuur”]. In: Ivanov, V.N. (ed.) *Yakutskiy epos v kontekste epicheskogo naslediya narodov mira* [The Yakut Epic in the Context of the Worldwide Epic Heritage]. Yakutsk: RAS. pp. 51–59.
17. Pukhov, I.V. (2013) *Olonkho – drevniy epos yakutov* [Olonkho is an ancient epos of the Yakuts]. Yakutsk: Saydam.
18. Ergis, G.U. (2008) *Ocherki po yakutskomu fol’kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk: Bichik.
19. Nikiforov, V.M. (2002) *Stadii epicheskikh kolliziy v olonkho: formy fol’klornoy i knizhnoy transformatsii* [Stages of epic collisions in olonkho: forms of folk and book transformation]. Novosibirsk: Nauka.
20. Abaeva, L.L. & Zhukovskaya, N.L. (eds) (2004) *Buryaty* [The Buryats]. Moscow: Nauka.
21. Antonov, N.K. (1993) *Nasledie predkov* [The Legacy of Ancestors]. Yakutsk: Bichik.
22. Vaynstein, S.I. & Mannay-oola, M.Kh. (2001) *Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka.
23. Antonov, N.K. (1971) *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
24. Ermolaev, V.F. (1989) Orkhonskie tyurki VI–VIII vv. i yakutskoe olonkho [Orkhon Turks of the 6th – 8th centuries and Yakut olonkho]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 4. pp. 42–47.
25. Sleptsov, P.A. (1991) Lingvofol’kloristika: problemy i zadachi (na materiale yakutskogo fol’klora) [Linguistic folklore: problems and tasks (based on the material of Yakut folklore)]. In: Sleptsov, P.A. et al. *Fol’klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka* [Folklore Heritage of the Peoples of Siberia and the Far East]. Yakutsk: SB RAS. pp. 100–101.